

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА
НАПОЛЕОН

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Наполеон / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 428 с.

ISBN 978-5-521-78918-4

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) — русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

«Лица. Наполеон» — роман-биография, одно из наиболее значительных произведений Мережковского, на первом плане которого — масштабы и особенности личности великого императора и полководца, описывается его политическая и личная судьба. Блестяще написанная книга, насыщенная образами и сравнениями, будет интересна широкому кругу читателей.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ. НАПОЛЕОН – ЧЕЛОВЕК.....	5
СУДЬИ НАПОЛЕОНА	5
УСТРОИТЕЛЬ ХАОСА.....	23
ВЛАДЫКА МИРА	31
ЧЕЛОВЕК ИЗ АТЛАНТИДЫ	47
ЗЛОЙ ИЛИ ДОБРЫЙ?	68
РАБОТНИК.....	96
ВОЖДЬ	109
СОММЕДИАНТЕ.....	131
РОК.....	140
 ТОМ ВТОРОЙ. ЖИЗНЬ НАПОЛЕОНА.....	161
УТРЕННИЕ СУМЕРКИ.....	161
ВОСХОДЯЩЕЕ СОЛНЦЕ.....	210
ПОЛДЕНЬ	255
ВЕЧЕР	288
ЗАКАТ	323
НОЧЬ.....	377

ТОМ ПЕРВЫЙ

НАПОЛЕОН — ЧЕЛОВЕК

СУДЬИ НАПОЛЕОНА

Свершитель роковой безвестного вельня.

Пушкин

Показать лицо человека, дать заглянуть в душу его — тако-
ва цель всякого жизнеописания, «жизни героя», по Плутарху.

Наполеону, в этом смысле, не посчастливилось. Не то
чтобы о нем писали мало — напротив, столько, как ни об од-
ном человеке нашего времени. Кажется, уже сорок тысяч
книг написано, а сколько еще будет? И нельзя сказать, что-
бы без пользы. Мы знаем бесконечно много о войнах его,
политике, дипломатии, законодательстве, администрации;
об его министрах, маршалах, братьях, сестрах, женах, лю-
бовницах и даже кое-что о нем самом. И вот что странно:
чем больше мы узнаем о нем, тем меньше знаем его.

«Этот великий человек становится все более неизвест-
ным», — говорит Стендаль, его современник. «История На-
полеона — самая неизвестная из всех историй», — говорит
наш современник Леон Блуа.

Это значит: в течение больше ста лет «неизвестность»
Наполеона возрастает.

Да, как это ни странно, Наполеон, при всей своей славе,
неведом. Сорок тысяч книг — сорок тысяч могильных кам-
ней, а под ними «неизвестный солдат».

Может быть, это происходит и оттого, что, по слову Гераклита, «конца души не найдешь, пройдя весь путь, — так глубока». Мы ведь и души самых близких людей не знаем, — ни даже своей собственной души.

Или, может быть, душа его вообще неуловима книгами: проходит сквозь них, как вода сквозь пальцы? Тайна ее, под испытующим взглядом истории, только углубляется, как очень глубокие и прозрачные воды под лучом прожектора.

Да, неизвестность Наполеона происходит и от этого; но, кажется, не только от этого. В чужую душу нельзя войти, но можно входить в нее или проходить мимо. Кажется, мы проходим мимо души Наполеона.

Узнавать чужую душу — значит оценивать ее, взвешивать на весах своей души. А в чьей душе весы для такой тяжести, как Наполеон?

«Я ни с чем не могу сравнить чувства, испытанного мною в присутствии этого колоссального существа», — вспоминает один современник, даже не очень большой поклонник его, скорее обличитель.

Таково впечатление всех, кто приближается к нему, друзей и недругов, одинаково: может быть, это даже не величие, но, уж наверное, огромность, несоизмеримость его души с другими человеческими душами. Он среди нас, как Гулливер среди лилипутов.

Маленькими глазками, увеличивающими, как микроскопы, лилипуты видят каждую клеточку Гулливеровой кожи, но лица его не видят; оно им кажется страшным и мутным пятном; маленькими аршинами могут они измерить тело его с математической точностью; но вообразить, почувствовать себя в этом теле не могут.

Так мы не можем себя почувствовать в душе Наполеона. А ведь именно это и нужно, чтобы ее узнать: не увидев чужой души изнутри, ее не узнаешь.

Кажется, только один человек мог судить Наполеона, как равный равного, — Гёте. Что Наполеон в действии, то Гёте в созерцании: оба — устроители хаоса — Революции. Вот почему в дверях из одной комнаты в другую, из Средних веков в наше время, стоят они друг против друга, как две исполинские кариатиды.

«В жизни Гёте не было большего события, чем это реальнейшее существо, называемое Наполеоном», — говорит Ницше.

«Наполеон есть краткое изображение мира». — «Жизнь его — жизнь полубога. Можно сказать, что свет, озарявший его, не потухал ни на минуту: вот почему жизнь его так лучезарна. Мир никогда еще не видел и, может быть, никогда уже не увидит ничего подобного»¹. Таков суд Гёте — Наполеону равного. А у нас, неравных, дело с ним обстоит еще хуже, чем у лилипутов с Гулливером. Тут разница душ не только в величине, росте, количестве, но и в качестве. У него душа иная, чем у людей, — иной природы. Вот почему он внушает людям такой непонятный, ни на что земное не похожий, как бы нездешний, страх.

«Страх, внушаемый Наполеоном, — говорит госпожа де Сталь, — происходит от особого действия личности его, которое испытывали все, кто к нему приближался. Я в своей жизни встречала людей достойных уважения и презренных; но в том впечатлении, которое производил на меня Бонапарт, не было ничего напоминающего ни тех, ни других». — «Скоро я заметила, что личность его неопределима словами, которые

¹ Эккерман И. П. «Разговоры с Гёте в последние годы его жизни». Запись 11 марта 1828 г.

мы привыкли употреблять. Он не был ни добрым, ни злым, ни милосердным, ни жестоким, в том смысле, как другие люди. Такое существо, не имеющее себе подобного, не могло, собственно, ни внушать, ни испытывать сочувствия; это был больше или меньше, чем человек: его наружность, ум, речи — все носило на себе печать какой-то чуждой природы.

«Он миру чужд был. Все в нем было тайной», — понял Наполеона никогда не видевший его семнадцатилетний русский мальчик, Лермонтов. «Существо реальнейшее», вошедшее в мир, как никто, владыка мира — «миру чужд». — «Царство мое не от мира сего», — мог бы сказать и он, хотя, конечно, не в том смысле, как это было однажды сказано.

Эту «иную душу» в себе он и сам сознает. «Я всегда один среди людей», — предсказывает всю свою жизнь никому не ведомый семнадцатилетний артиллерийский поручик Бонапарт. И потом, на высоте величия: «Я не похож ни на кого; я не принимаю ничьих условий».

И о государственном человеке — о себе самом: «Он всегда один, с одной стороны, а с другой — весь мир».

Эта «иная душа» не только устрашает, отталкивает людей, но и притягивает; внушает им то любовь, то ненависть. «Все любили меня и все ненавидели».

Божий посланник, мученик за человечество, новый Прометей, распятый на скале Св. Елены, новый Мессия; и разбойник вне закона. Корсиканский людоед, апокалипсический зверь из бездны, Антихрист. Кажется, ни из-за одного человека так не боролась любовь и ненависть. Противоположные лучи их скрещиваются на лице его слишком ослепительно, чтобы мы могли его видеть. Видит ли он сам себя?

«Тысячелетия пройдут, прежде чем повторятся такие обстоятельства, как мои, и выдвинут другого человека, по-

добного мне». Он говорит это без гордости, или гордость его так похожа на смирение, что их почти не различить.

«Если бы мне удалось сделать то, что я хотел, я умер бы со славой величайшего человека, какой когда-либо существовал. Но и теперь, при неудаче, меня будут считать человеком необыкновенным». Это, пожалуй, слишком смиренно. А вот еще смиреннее: «Скоро меня забудут, мало найдут историки, что обо мне сказать». — «Если бы в Кремле пушечное ядро убило меня, я был бы так же велик, как Александр и Цезарь, потому что мои учреждения, моя династия удержались бы во Франции... тогда как теперь я буду почти ничем». Это он говорит на Св. Елене живой в гробу; говорит о себе спокойно, бесстрастно, как о третьем лице, как живой о мертвом, или еще спокойнее, как мертвый о живом. «Чуждый миру», чужд и себе. Смотрит на себя со стороны: я для него уже не я, а он.

Кажется иногда, что он и сам себя не знает, также как мы — его. Знает только, что тяжело земле носить такого, как он. «Когда я умру, весь мир вздохнет с облегчением: »Уф!«» — «Будущее покажет, не лучше ли было бы для спокойствия мира, чтобы меня никогда не существовало».

Это с одной стороны, а с другой: «Пожалеют, пожалеют когда-нибудь люди о моих несчастьях и моем паденье!» — «Будете плакать обо мне кровавыми слезами!»¹

Fu vera gloria?

Ai posteri ardua sentanzia.

Была ли слава его истинной?

Трудный суд над ней принадлежит потомкам².

Но и потомки оказались не лучшими судьями, чем современники.

¹ Речь Наполеона в Палате Ста Дней в 1815 г.

² Мандзони А. «Пятое мая» (1821).

«Чудовищная помесь пророка с шарлатаном». — «Ажив, как военный бюллетень», — это недаром во дни его сделалось пословицей. — «Крепкая, ясная, простая итальянская природа его разложилась в мутной атмосфере французского фанфаронства». Изолгался окончательно и «провалился в пустоту». — «Бедный Наполеон! Наш последний герой!» Таков суд Карлейля в его знаменитой книге «Поклонение героям». Если суд верен, то трудно понять, как мог очутиться в сонме героев этот «провалившийся в пустоту шарлатан». Впрочем, образ Наполеона начерчен здесь так скудно, грубо и поверхностно, что едва ли стоит долго останавливаться на нем.

Тэн сильнее Карлейля. Книга его о Наполеоне, кажется, и есть то последнее, что легло на душу читателей и не скоро из нее изгладится. Действием своим на умы и сердца книга эта обязана, может быть, не столько таланту и учености автора, сколько своему созвучию с духом времени: Тэн высказал о Наполеоне то, что у всех было на уме.

«Безмерный во всем, но еще более странный, не только преступает он за все черты, но и выходит из всех рамок; своим темпераментом, своими инстинктами, своими способностями, своим воображением, своими страстями, своею нравственностью он кажется отлитым в особой форме, из другого металла, чем его сограждане современники». — «По глубине и широте гениальных замыслов, по героической силе духа, ума и воли со времен Цезаря не было ничего подобного».

Таково начало, а вот конец: «Дело наполеоновской политики есть дело эгоизма, которому служит гений; в его обще-европейском здании, так же как во французском, надо всем господствовавший эгоизм испортил всю постройку». Наполеон среди людей — «великолепный хищный зверь, пущенный в мирно жующее стадо». — «Он обнаруживает безмерность и свирепость своего самолюбия», когда в 1813 году, в